

Оставлять тяжело раненного Лочэня одного в новом доме было боязно. Шэнь Цинчжоу рассудил, что возвращать повозку пока рано, а лишний день аренды его карман не опустошит — не те деньги, чтобы из-за них переживать.

Куда больше его заботило другое — извечный вопрос пропитания. Из всех насущных нужд именно обед обещал стать главной головной болью.

«Для простого люда сытость — первое дело», — эта простая истина обухом ударила Шэнь Цинчжоу, стоило ему переступить порог кухни.

Лочэнь из-за ран едва держался на ногах, ему требовался покой и уход. Не таскать же его трижды в день по трактирам? К тому же тяжелая, сочащаяся жиром ресторанный стряпня раненому только во вред. Домашний бульон или простая каша подошли бы куда лучше, но для этого нужно было готовить самим.

Да только где Шэнь Цинчжоу, а где кулинария? Благородный муж, как известно, к кухне и на пушечный выстрел не подходит. За всю жизнь он и пальцем к домашней работе не прикоснулся: толк в изысканных яствах знал, а вот как они появляются на свет — ведать не ведал. Пытаться сотворить из него повара было затеей столь же нелепой, как учить свинью лазать по деревьям. Изнеженный молодой господин отродясь даже щепки для костра не расколол!

Шэнь Цинчжоу уныло оглядел идеально чистую, не тронутую копотью печь, и в голове его одна за другой начали всплывать суровые кухонные истины. Прежде чем приниматься за стряпню, нужно было раздобыть дрова, рис, масло, соль, соевый соус, уксус и заварку... Словом, каждую мелочь приходилось добывать собственным трудом.

Он замер посреди этого кулинарного безмолвия, чувствуя, как к горлу подступает уныние. Но не успел Шэнь Цинчжоу как следует вздохнуть, как позади послышался шорох. Обернувшись, он увидел Лочэня, который, осторожно переступив порог, тоже зашел в кухню.

Шэнь Цинчжоу беспомощно развел руками, призывая гостя в свидетели этого кухонного разорения, и снова сокрушенно вздохнул:

— Ну и как быть? Я ведь совсем не умею готовить...

Лочэнь обвел взглядом пустые полки, посмотрел на Шэнь Цинчжоу и мягко улыбнулся, указав пальцем на себя.

— Ты умеешь готовить? — Шэнь Цинчжоу просиял, но тут же спохватился: — Нет, ты ведь ранен, негоже мне перекладывать на тебя домашние заботы. Давай лучше так: ты будешь показывать, а я — делать. Если научусь сносно кашеварить, то, глядишь, когда-нибудь на старости лет в цзянху не пропаду — хоть на кусок хлеба всегда заработаю.

Заметив, что Лочэнь сделал какой-то замысловатый жест, Шэнь Цинчжоу хлопнул себя по лбу. Он торопливо вытащил из широкого рукава книжицу, подаренную Ян Сяоцаем, и с надеждой протянул ее спутнику:

— Глянь-ка. Ты ведь эти же знаки используешь?

Лочэнь взял книжку, пробежался глазами по страницам и, возвращая ее Шэнь Цинчжоу, согласно кивнул.

— Отлично, с сегодняшнего дня и начну учиться, — обрадовался Шэнь Цинчжоу. — А то вечно таскать с собой кисть и бумагу, чтобы перекинуться парой слов, жутко неудобно. С жестами дело пойдет куда быстрее.

Лочэнь тепло улыбнулся, не сводя глаз с Шэнь Цинчжоу. Он не мог произнести ни слова, но он смотрел с ясной, живой признательностью, и это было лучше любых речей.

Но какими бы заманчивыми ни виделись новые умения, соловья баснями не кормят. Жестовый язык и поварское искусство требовали времени, а ужин нужно было раздобыть прямо сейчас. И эта задача по-прежнему казалась неразрешимой.

Утренний базар давно разъехался, так что о свежих овощах и парном мясе можно было и не мечтать. Зато лавка торговца зерном еще работала. Строго-настрога наказав Лочэню не вставать с постели, Шэнь Цинчжоу вихрем помчался по улице. Ему удалось раздобыть несколько цзиней риса, а на обратном пути он перехватил закрывающегося лоточника и купил пару горячих мясных лепешек, спрятав их за пазуху, чтобы не остыли.

Рис-то он принес, но дровами так и не разжился — топить печь было нечем. Когда Шэнь Цинчжоу уже собрался снова бежать на улицу, Лочэнь придержал его за рукав. Он указал на сверток из промасленной бумаги с лепешками и ободряюще кивнул.

— Думаешь, обойдемся этим? — догадался Шэнь Цинчжоу.

Обе лепешки едва тянули на три лян веса. Какая-нибудь хрупкая барышня, может, и наелась бы досыта, но вот беда — ни Шэнь Цинчжоу, ни Лочэнь на хрупких барышень не походили даже отдаленно.

Шэнь Цинчжоу шумно вздохнул и сунул весь сверток в руки Лочэню:

— Мы даже воду согреть не можем. Нет, так не пойдет, надо раздобыть хоть какую-то растопку. Ты ешь пока, а я мигом обернусь.

Лочэнь указал в сторону двора и развел руки, очерчивая в воздухе широкий круг.

— Колодец? — уточнил Шэнь Цинчжоу.

Колодец прямо во дворе — редкое удобство. Сразу видно, что Лэй Чжэньбэй подошел к делу с душой и за такой короткий срок отыскал действительно великолепное пристанище.

— Сырую воду пить нельзя, живот прихватит, — не согласился Шэнь Цинчжоу и улыбнулся: — Я быстро, одна нога здесь, другая там.

Взлетев на крыши, он применил легкую технику перемещения и помчался к угольной лавке. Обратно он возвращался, таща в обеих руках по корзине древесного угля. Дома, пока Лочэнь ловко разводил огонь в очаге, Шэнь Цинчжоу разглядывал свои ладони, густо покрытые черной сажей. Подумав секунду о том, как дико он сейчас выглядит, молодой господин покатился со смеху.

Лочэнь тем временем раздул угли, отыскал котелок и уже привычно промывал рис. Услышав этот безудержный хохот, он отложил дела и, прихрамывая, поспешил к Шэнь Цинчжоу, тревожно вглядываясь в его испачканное лицо.

В Шэнь Цинчжоу вдруг проснулось озорство. Шутовским жестом он провел испачканной ладонью по щеке Лочэня, и теперь его и без того покрытое ссадинами лицо украсили четыре ровные угольные полосы.

Лочэнь притворно нахмурился, хотя в глазах его плясали смешинки, и быстро замахал руками, безмолвно приказывая проказнику немедленно идти отмываться.

Потешаясь над разукрашенным Лочэнем, Шэнь Цинчжоу принялся тереть собственные щеки. В итоге его благородное, обычно холеное лицо превратилось в сущую нелепицу, покрытую хаотичными черными разводами.

— Вот они — настоящие земные заботы! — воскликнул Шэнь Цинчжоу. — Теперь могу с гордостью заявить, что и я понюхал пороху!

Заметив, как серьезно Лочэнь вслушивается в его слова, он горько усмехнулся и со вздохом пустился в объяснения:

— Первый старший брат когда-то отчитывал меня: «Здоровый, сильный мужчина прячется за спиной влиятельной семьи, бежит от трудностей, шляется по свету ради собственного удовольствия и живет так, словно его не касаются мирские невзгоды. Гордиться тут совершенно нечем».

Шэнь Цинчжоу потер костяшкой пальца подбородок и с тоской усмехнулся:

— Я тогда жутко разозлился. Думал: «Я ведь тоже исходил цзянху вдоль и поперек, не раз

бывал в переделках, с чего он взял, что я комнатный цветок?» И только сейчас до меня дошло. Даже если твои сундуки ломаются от золота, рано или поздно наступит день, когда некому будет разжечь для тебя очаг. Уголь, дрова, рис и мясо не отрастят ноги и не прибегут сами, чтобы прыгнуть в котел ради твоего сытого желудка.

Пока он стоял, погруженный в свои мысли, Лочэнь неожиданно подался вперед. Теплая подушечка его пальца едва ощутимо коснулась губ Шэнь Цинчжоу, стирая случайное черное пятнышко.

Прикосновение было мимолетным, словно случайный вздох ветра: едва коснувшись кожи, оно тут же растаяло без следа.

Шэнь Цинчжоу опешил. Пока он пытался осознать случившееся, Лочэнь уже неловко отвернулся и захлопотал у плиты, делая вид, что полностью поглощен разгорающимся пламенем.

Вскоре по кухне разлился упоительный аромат готовой еды. Лочэнь оказался мастером своего дела: рис вышел рассыпчатым, рисинка к рисинке. В старом буфете нашлись глиняные плошки и большой черпак, а вот палочек для еды не оказалось вовсе. В итоге перед каждым стояла гора дымящегося риса. Лочэнь без лишних церемоний принялся брать еду пальцами. Шэнь Цинчжоу же, не собиравшийся терпеть липкие руки, пошел по более простому пути — уткнулся лицом прямо в миску, беспардонно уплетая ужин.

Лочэнь отложил еду, завороченно наблюдая за этой картиной. Когда Шэнь Цинчжоу отрывался от плошки, на его щеках и подбородке красовались прилипшие рисинки, отчего Лочэнь едва сдерживал улыбку. Он покончил со своей порцией, закусив лепешкой, тщательно вытер руки и придвинул к себе лист бумаги с угольком. Покосившись на все еще жующего товарища, он быстро набросал несколько строк:

«Вэньгуй, а если у твоего старшего брата не было никаких смягчающих обстоятельств? Если он предал тебя умышленно, по собственной воле? Ты все равно продолжишь его искать?»

Прочитав написанное, Шэнь Цинчжоу замер. С трудом проглотив недожеванный кусок, он долго молчал, а затем растерянно поднял глаза на Лочэня:

— Зачем ему было так со мной поступать?

Задавая этот вопрос, Шэнь Цинчжоу и не надеялся получить ответ. Однако Лочэнь посерьезнел. Помедлив, он уверенными, тяжелыми мазками вывел на бумаге:

«Потому что ты слишком чист для этого мира».

Шэнь Цинчжоу долго смотрел на эти размашистые каллиграфические мазки, храня молчание.

Лишь спустя пару минут на его лицо вернулась слабая улыбка:

— Вот видишь. Тем более должен найти. Если он сделал это умышленно, я обязан посмотреть ему в глаза и услышать причину. Иначе мне не видать покоя до конца дней своих. Можешь смеяться надо мной, брат Ло, но за всю мою жизнь ближе него у меня никого не было.

Только рядом с Лочэнем он мог сбросить маску и обнажить эту ноющую, кровоточащую рану. Только ему мог признаться, насколько глубоко запутался в паутине старой привязанности к Сун Сяо, став заложником собственного прошлого.

Лочэнь и не думал смеяться. Он опустил взгляд, о чем-то раздумывая, а затем с мягкой настойчивостью вывел на бумаге новый вопрос:

«И что ты сделаешь, когда найдешь его?»

Шэнь Цинчжоу долго вглядывался в эти слова, тихо, словно в бреду, повторяя их про себя:

«Что я сделаю? Что я сделаю...»

Лочэнь на миг посмотрел с горькой жалостью. Выждав паузу, он вновь взялся за уголек:

«Что бы ни случилось, той ночью между вами все было кончено. Твоя дружба с ним мертва. Даже если ты разыщешь его, бывшего доверия не вернуть. К чему тогда эти поиски?»

Шэнь Цинчжоу и сам это прекрасно понимал. Даже если поначалу он цеплялся за иллюзии, бесконечные нотации наставника, шишу и родителей давно выжгли в его памяти эту суровую истину. От их постоянных нравоучений хотелось выть.

Но услышать то же самое от Лочэня было невыносимо — словно лавина рухнула с вершины, погребая его под ледяными глыбами. Шэнь Цинчжоу стиснул зубы так, что заняли челюсти. В памяти услужливо всплыли ядовитые сплетни, которые наставник пересказал ему перед уходом. Они впивались в душу, как голодные твари, разрывая ее на части.

Шэнь Цинчжоу резко поднялся из-за стола. Глядя на Лочэня в упор, он упрямо, с глухой яростью в голосе процедил:

— Я все равно его найду!